

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.)

Известная на правах популярной легенды переписка запорожцев с турецким султаном более знакома сегодня по картине И. Е. Репина и ее эскизам, нежели как литературно-публицистический памятник. И хотя с середины XIX в. издано не менее десяти различных вариантов этой переписки, исследования, в котором они были бы собраны, сопоставлены и изучены, нет ни одного. К тому же и сами публикации делались по неописанным, даже недатированным и неизвестно где находящимся спискам.

Обычные для публикаторов XIX в. глухие ссылки на частные коллекции практически почти не дают возможности обнаружить эти рукописи сегодня. Так, Н. Маркевич, едва ли не впервые напечатавший письмо запорожцев в своей «Истории Малороссии», сообщает лишь, что воспользовался копией, присланной ему «из партикулярного архива», из Гродно.¹ В VI томе «Русской старины» опубликован список, принадлежавший Н. И. Костомарову,² однако в существующих обзорах костомаровского собрания он не отмечен.³ О каких-то копиях письма запорожцев, хранящихся «у многих любителей южнорусской старины», упоминает исследователь истории и знаток быта запорожских казаков Д. И. Эварницкий. Дважды приводя один из вариантов этой переписки в своих работах, он так и не называет конкретного источника текста.⁴ Екатеринославский издатель Я. Новицкий извлекает письмо запорожцев из рукописи, данные о которой ограничиваются тем, что она «добыта в с. Новогупаловка Александровского уезда в селе Слышко».⁵

О существовании списков письма запорожцев в частных архивах на Украине и об устной традиции передачи его текста узнаем из предисло-

---

¹ Н. Маркевич. История Малороссии, т. V. М., 1843, Примечания к гл. XLI, стр. 74—75.

² Русская старина, т. VI. СПб., 1872, стр. 450—451.

³ См.: Е. Кивлицкий. Библиотека и собрание рукописей Н. И. Костомарова. — Киевская старина, Киев, 1895, № 4, Документы, известия, заметки, стр. 2—6; Каталог библиотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной в 1894 г. имп. Университета св. Владимира Алиной Леонтьевной Костомаровой. Киев, 1903, стр. V—VII.

⁴ Д. И. Эварницкий. 1) Иван Дмитриевич Серко, славный кошевой атаман войска запорожских и низовых казаков. СПб., 1894, стр. 97—98; 2) История запорожских казаков. СПб., 1895, стр. 517—518.

⁵ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, вып. 7. Екатеринослав, 1911, стр. 113—116.

вия к публикации «по памяти» Я. А. Симоновским еще одного варианта письма в январском выпуске «Русской старины» 1872 г.⁶

Не проще ныне отыскать и опубликованные списки из государственных и монастырских хранилищ. В том же томе VI «Русской старины» упомянут текст из бумаг Московского архива, списанный Н. И. Бахтиным;⁷ на какой-то список этого же архива ссылается впоследствии Я. Новицкий;⁸ из собрания Киево-Печерской лавры издает список Н. Н. Оглоблин.⁹ Но все это без какой-либо характеристики рукописей и без шифров.

Наконец, среди существующих изданий можно встретить перепечатки уже опубликованных текстов без указания на источники заимствования.¹⁰

В публикациях XIX—начала XX в. осталась совершенно невыясненной рукописная традиция этого интересного памятника. Мы не знаем, как правило, времени списков, по которым изданы тексты. Существует только одна ссылка — на список из «объемистого сборника прошлого (т. е. XVIII) столетия», сообщенный редакции «Русской старины» А. А. Шишковым.¹¹ Возможно, что рукопись не ранее XVIII в. была в распоряжении Н. Н. Оглоблина — список в ней датирован 1733 г., и, кроме того, в архиве «Русской старины» имеется очень близкий текст в списке 1792 г.¹² И это, по сути дела, все, что известно о списках XVIII в. Что же касается списков переписки запорожцев с турецким султаном более ранних — XVII в., то их пока не обнаружено ни одного.

Однако, каков бы ни был характер существующих публикаций, они вводят в научный оборот ряд очевидно разных вариантов письма, вышедшего несомненно из казачьей среды Запорожья, на что указывает и содержание, и украинский язык, и характерный юмор произведения. Большинство издателей (Н. Маркевич, Н. И. Костомаров, Д. И. Эварницкий, Я. Новицкий), сомневаясь, что подобное письмо могло быть реальным дипломатическим документом, называют его вымыслом, но старым, вполне отвечающим духу буйного запорожского казачества.

* * *

В середине XIX в. стали известны и списки еще одного подобного памятника. В 1845 г. журнал «Маяк», опять-таки без указания рукописи, опубликовал еще одно казачье послание, которое удобнее называть «Письмом чигиринских казаков турецкому султану», как бы от лица которых оно составлено.¹³

⁶ Русская старина, т. VI, стр. 701.

⁷ Там же, стр. 450.

⁸ Летопись... , стр. 113—116.

⁹ ЧОИДР, кн. 3. М., 1913, Смесь, стр. 10.

¹⁰ К. И. Добрынин. Элементарный курс русской истории. М., 1914, стр. 131. К. И. Добрынин пользуется, по-видимому, текстом Д. И. Эварницкого. См. также: Русская старина, т. VIII. СПб., 1873, стр. 92—93 — публикация Туган-Мирзы-Барановского, являющаяся фальсификацией, скомпанованной из разных мест работы Н. Маркевича. История осады Тавани турками и тексты переписки их с осажденными казаками взяты из тома II «История Малороссии», а письмо, которое казаки якобы заготовили и не послали, — из тома V. К сожалению компиляция эта стала достоянием науки.

¹¹ Русская старина, т. VI, стр. 450.

¹² ЦРЛИ, ф. 265, № 9, стр. 271—272.

¹³ Маяк, т. 22. СПб., 1845, Смесь, стр. 112—113. Письмо чигиринцев здесь отнесено ко времени царя Федора Алексеевича и объединено, по-видимому, с каким-то другим посланием, в котором казаки грозят султану божьим гневом, если он не перестанет «христиан воевати». Аналогии к этому последнему можно найти в «подложных грамотах» Хронографа 1696 г. (А. Попов. Избранник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 448).

Оба письма — это два разных, но очень близких произведения, и письмо чигиринцев сопоставимо с письмом запорожцев. Написанное на ту же тему, но на русском языке, оно более сжато и лишено ряда ярких деталей украинского текста.

Но если письмо запорожцев известно пока лишь в списках не ранее XVIII в., то письмо чигиринцев встречается (и это очень важно) в списках второй половины — конца XVII в. Так, в 1869 г. А. Попов обнаружил и опубликовал один из основных вариантов письма чигиринцев по Хронографу 1696 г.,¹⁴ а затем Д. И. Прозоровским был указан список письма чигиринцев, который датируется 70-ми годами XVII в. (в Археологическом собр. ГПБ, № 43).¹⁵ К тому же времени относится список, вывезенный из России среди других рукописей в 80-х годах XVII в. шведским ученым и путешественником Спарвенфельдом, находящийся сейчас в собрании гимназии г. Вестероса (Швеция).¹⁶

На двух списках XVII в. (А. Попова и Д. Прозоровского) и третьем, «Анатолийском», оставшемся нам неизвестным, основывался акад. К. В. Харлампович, впервые подошедший к изучению легендарной казачьей переписки с турецким султаном как текстолог.¹⁷ Он считал, что следует говорить о двух izvodaх произведения — кратком, на русском языке, упоминающем Чигирин, и распространенном, украинском, уснащенном перлами украинского юмора, написанном под разными датами и от лица различных кошевых атаманов. Украинский извод делится Харламповичем на две редакции.

Краткий извод Харлампович считал первичным, однако возникшим не в Москве, а пришедшим из Польши, на что указывало, по мнению Харламповича, и оглавление послания: «Перевод с польского письма, список с листа салтана турецкого, писанного в Чигирин к казаком июля в 7 день 1678-го» (ГПБ, собр. Археологическое, № 43). Доводом в пользу польского происхождения письма чигиринцев послужило послание турецкого султана польскому королю, с титулами, в курантах 1621 г.,¹⁸ а также переписка Сигизмунда III с Османом II, находящаяся в Переяславской казачьей хронике 1636 г.¹⁹ Возникновением письма в Польше, как объясняет Харлампович, вызваны и фактические несоответствия — почему вместо резиденции запорожских кошевых атаманов был назван Чигирин, столица украинских гетманов.

Это вымышленное послание, по мнению Харламповича, тем легче могло привиться в Москве, что здесь уже имелись оригинальные произведения подобного рода — переписка Курбского с Грозным, вымышленные послания Александра Македонского русским князьям, переписка Грозного с турецким султаном, посольство Ищеина и Сугорского.

И только уже из Москвы этот памятник попал на Украину, где исправили неточности и внесли подробности.

¹⁴ А. Попов. Изборник... стр. 448.

¹⁵ Д. И. Прозоровский. Опись древних рукописей, хранящихся в музее имп. Русского археологического общества. СПб., 1879, стр. 66—67.

¹⁶ Codex Ad 10 der Vasteråser Gymnasial. — Bibliothek von Staffen Dahl. Uppsala, Publications de l'institut Slave d'Upsal II, 1949, SS. 28—30. См. также: Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 470—473.

¹⁷ К. Харлампович. Листування запорозьких козаків із султаном. — Записки Историко-філологічного відділу кн. ІV. Київ, 1923, стр. 200—212.

¹⁸ См.: А. Шлозберг. Начало периодической печати в России. — ЖМНП, новая серия, ч. XXXV. СПб., 1916, стр. 92—93.

¹⁹ С. Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII в., т. I. Киев, 1848, Приложения, стр. 3—5.

Считая и русский, и украинский изводы несомненной выдумкой, Харлампович, однако, признает, что это произведение представляет интересное историко-филологическое явление.

О польском происхождении письма чигиринцев в XVII в. и письма запорожцев в XVIII в. говорит французский исследователь Илья Боршак.²⁰

Однако доказать польское происхождение казачьей переписки можно было бы только обнаружив какие-либо реальные ее источники в Польше либо столь же определенные польские следы в русском и украинском текстах. Сопоставление же наших текстов заставляет, в отличие от Харламповича, считать русский извод — письмо чигиринцев — вторичным по отношению к украинскому.²¹ Извод этот скорее всего возник в 70-х годах XVII в. в Москве, в среде Посольского приказа, по образцу ставшего там известным украинского текста. Наличие письма чигиринцев в списках XVII в. позволяет вслед за А. Поповым приурочить его к событиям русско-турецкой войны 1677—1678 гг. Но, конечно, предположение о более раннем украинском протографе письма чигиринцев остается все же гипотезой до тщательного изучения уже известных текстов и разыскания новых списков.

Пока такого разыскания не сделано. Попытка собрать весь материал, относящийся к этим памятникам (публикации, аналогии в других текстах, переводы на польский и французский языки и пр.), предпринята в недавних работах украинского исследователя Г. А. Нудьги.²² Однако научная основательность ряда его утверждений и сама достоверность их вызывают сомнения.

Ничем не подтверждено заявление о том, что в архивах до сих пор хранятся неизвестные списки и варианты переписки, составленные («складені») ²³ в XVII—XVIII вв. «Кілька таких варіантів, — пише Нудьга, — нам пощастило відшукати в архіві колишньої Київської духовної академії».²⁴ Однако в последующей работе в качестве «неизвестного варианта» письма запорожцев им представлен только один текст из сборника XVII в. Кирилло-Белозерского монастыря, ныне хранящийся в Государственной публичной библиотеке АН УССР (№ 533) и являющийся, судя по публикации, всего лишь списком письма чигиринцев.²⁵

Еще большие недоумения вызывает утверждение Г. А. Нудьги, что теперь уже опубликовано по спискам XVII и XVIII—XIX вв. несколько десятков вариантов этого оригинального произведения,²⁶ хотя, как уже отмечалось, в действительности нет ни одной публикации (а все они известны Нудьге), в которой была бы указана дата рукописи.

²⁰ La lettre des zaporogues au sultan, par Élie Borschak. — Revue des études slaves, t. 26, fasc. 1—4. Paris, 1950, pp. 99—105.

²¹ М. Д. Каган. Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 307—315.

²² См.: Українські пародії. Київ, 1963, стр. 84—89; Г. Нудьга. Листування запорожців з турецьким султаном. Київ, 1963.

²³ Непонятно, имеет ли в виду автор списки XVII—XVIII вв. или тексты этого времени, переданные более поздними списками.

²⁴ Г. А. Нудьга. Пародія в українській літературі. Київ, 1961, стр. 65.

²⁵ Г. Нудьга. Листування... стр. 33. В сборнике № 533 письмо чигиринцев дано в окружении грамот, сходных, по определению Нудьги, с грамотами Хронографа 1696 г., опубликованными у А. Попова. По-видимому, Нудьге неизвестны публикации этого цикла грамот по спискам начала—второй половины XVII в. в ТОДРА, тт. XIII, XIV, XV.

²⁶ Г. А. Нудьга. Лист запорожців турецькому султану. — Дніпро, 1962, № 2, стр. 141.

Сама методика работ Г. А. Нудьги вызывает в ряде случаев возражения. Так, Нудьга, отрицает совершенно очевидное деление памятника на два izvoda, считая, вопреки Харламповичу, и письмо запорожцев, и письмо чигиринцев одним произведением, и в силу этого вносит путаницу в датировку, говоря о списках письма запорожцев, относящихся к XVII в., а их-то пока и не найдено.

Нельзя, по-видимому, считать письмо запорожцев составленным до 1620 г. на Украине только на основании того, что под этим годом в Казачьей хронике 1636 г. зафиксирована переписка турецкого султана с польским королем, содержащая аналогичные пародийные титулы. Во-первых, переписка эта сильно отличается от письма запорожцев, имеет самостоятельное содержание, не перекликающееся с содержанием казачьего послания. Во-вторых, дошедшая до нас в составе более позднего памятника — Летописи Самоила Велички XVIII в., — она требует еще изучения истории и времени своего возникновения.

Едва ли можно, как делает это Г. А. Нудьга, класть письмо запорожцев в основу всех произведений, имеющих пародийные титулы, начиная с поэтической повести об Азове и кончая уже упомянутой перепиской польского короля с турецким султаном. Скорее всего оно представляет собой один из фактов довольно распространенной традиции, существовавшей, может быть, с XVI в. и на Украине, и на Руси, и в Польше.

Наконец, неоднократные перепечатки уже известных по более ранним изданиям текстов и вариантов письма запорожцев, хотя и собирают их вместе, но, не сопровождаемые никаким текстологическим исследованием, не вносят ничего нового в изучение памятника.

Таким образом, за последнее время не было обнаружено и опубликовано ни одного нового списка письма запорожцев турецкому султану. Возможно, распространение казачьего послания в списках сдерживалось крайней энергичностью его выражений, более свободно и широко живших в изустной передаче.

* * *

Обострение русско-турецких отношений в XVIII в., войны 70—90-х годов, в результате которых Россия получила выход к Черному морю и присоединила Крым, откуда до того совершались постоянно набеги татар на украинские земли, — вот та благоприятная обстановка, в которой могло распространяться такое антитурецкое произведение, каким является переписка запорожцев с турецким султаном. Один из вариантов этого произведения, находящийся в сборнике XVIII в. (БАН, 26.2.359; скоропись, бумага 80-х годов XVIII в.), мог возникнуть во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., может быть, уже тогда, когда были одержаны победы при Ларге и Кагуле, а турецкий флот сожжен в заливе Чесма.

Говоря о появлении антитурецких произведений на Руси в XVII в., А. Попов связывает традиционные взгляды на турок как на исконных врагов «христианства и самой Руси» с определенной литературной традицией: «В людях книжных этот взгляд укреплялся и литературными памятниками, разнообразными повестями о взятии Царьграда турками и разрушении православных славянских государств, разными предвещаниями, распространенными в наших сборниках и цветниках XVII в., как например предсказания Мефодия, Льва Премудрого или надписи на крыше гробницы царя Константина, в которых открывалось, что „рус-

ский род вместе с прежними обладателями возьмет Седмихолмный (т. е. Царьград) и в нем воцарится».²⁷

Именно эта традиция сохранена в отношении к варианту письма запорожцев в сборнике БАН 26.2.359. Письмо это, написанное на русском языке, является частью «триптиха», посвященного антитурецкой теме. Первая часть — пророчества о гибели турецкой империи — излагает толкование десяти небесных знамений, изображающих месяц с человеческим лицом, звезды, крест, змея, саблю, отрубленные головы и кровавый дождь, гроб, песочные часы, пушку на станке. Под влиянием Повести о взятии Царьграда турками упомянуты толкования Мефодия Патарского и Льва Премудрого.²⁸ Автор вспоминает знамение орла и змея, явившееся при основании Константинополя. Два последних текста взяты из Повести о взятии Царьграда Нестора Искандера, причем не из старшей ее редакции, а из позднейших переработок Степенной книги или Хронографа 1512 г.²⁹ Перед текстом об орле и змее сказано: «яко же Степенная изъясляет» (л. 11 об.); текст надписи на гробе царя Константина взят скорее всего из издания Повести Нестора Искандера в петровское время, в 1723 г.³⁰

В этой же части есть датирующие весь «триптих» места — это начало, сделанное в виде известий курантов: «Таково подлинное явление напечатано на листах в лицах, яко же zde описание изъясляет. 1768 году явление было на небеси в турецкой земли» (лл. 10 об.—11). После надписи на гробе царя Константина дано объяснение летосчисления по индиктам: «Должно здес примечат о изобретенных на гробе царя Константина о писменах о царствии турецком и о кончании его подробно история изъясляет; взят же бысть турками в лето от мироздания 6961 году индикта первого ... а по сей 770 год Царь Град во власти турецкой пребывает 318 лет, индикт рядоваго течения следует третий» (лл. 12 об.—13).

Упомянуто в этой части и о начале войны: «О вероломный неприятель турецкой салтан!.. с прошлого 768 году по своему месту в войну вступил, коя ныне происходит, какою гордостью своего бусорманства писал, как из манифеста видно есть» (л. 13). Далее следует вторая часть — «Манифест», в котором описание силы турецкого султана походит на текст «большой» грамоты султана польскому королю из Легендарного цикла посланий султана европейским государям.³¹

М а н и ф е с т

Мы, Мустафа, султан великий и мощный государь, и сын и племянник божий, царь турецкой и греческой, персической, римской, астинской, македонской, тарфинской, Великаго и Малаго Египта, армянский, чабык Африки, освященной глава махометанскаго соб-

²⁷ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 227—229.

²⁸ На популярность в конце XVII и в XVIII в. старших повестей о взятии Царьграда указывал М. Н. Сперанский (Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 225).

²⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 491—492; т. XXII, ч. 1, стр. 444. В тексте рукописи БАН пропущено место о том, что турки будут побеждены «русым родом».

³⁰ История о разорении последнем святого града Иерусалима, от римскаго цесаря Тита ... Вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя ... от турскаго султана Махомета второго. ... Изд. 2-е. СПб., 1723.

³¹ См.: М. Д. Каган. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 242.

рания, хранитель гроба Мекиева, великий владетель света, страх и бич христиан, неоцененная надежда и атаманов драгий камень света и вещи и весма страшной царь, множеством на них многочисленных галер и карабелей. Солнце, месяц и в звездах чудо им знамены будут, тех производит стрелбы наших пушек и звери на земли от страху и внутр лугов свободных местах спасения сыскивать станут, дерева от трясения ужасного зыку, при которых необходимым дымом действа нашей силы все христиане тихости гнева нашего почювствуют (л. 13 об.).

Сразу же после «Манифеста» следует третья часть — переписка султана с запорожскими казаками.

Письмо от турки к запорожским казакам

Я, султан, сын царя турецкаго, Великаго и Малаго Египта король Александрийский и король над королями, князь над князьями, натраштамент над патентами, император, внук божий, король, первый искоренитель христианом, защититель Христа распятого, повелеваю вам всем запорожским казакам, дабы болше вы меня не беспокоили во всех предприятых.

Напротив султанскаго писма пишу т

Я, славный запорожских воинств атаман, подчиненных мною на порогах храбрыми молотцами в совете и тебе, султану, пишу, и великой твой титул превозношу:

Ты, султан, проклятого врага враг, великой диавольской друг, надежной товарищ, антихристов сенатор, любцыферов адъютант, бесовский полковник, сатанинский генерал, бесовский король, над [д]яволами император, российское подножие, греческий кухмистер, вавилонский кузнец, иерусалимской каменщик, египецкой купец, македонский коваль, сурманский букур, антихристов понент, страж горба отца своего, страж гроба господня, — и не похваляйся защитником божиим, и не называйся искоренитель христианом, известно твоему величеству будет, что мы от тебя никогда помощи не просили и просити не будем, — у нас своих много против твоих брюхатых турок, ежели тебе угодно, то мы с ними переведаемся, а ты нас к себе неотменно ожидай, да и впредь своим титулом не угрожай. В Запороце, 1769 года (лл. 13об.—14 об.).

Текст этого письма запорожцев отличается от известных до сих пор вариантов. В нем отсутствуют типичные для украинского извода детали: «землею и водою будем биться с тобою» и «года не знаем, бо календаря не маем». Тем не менее этот текст испытал на себе влияние украинских вариантов. Сохранено обращение от имени кошевого атамана, чего нет, например, в письме чигиринцев. Встречаются украинизмы и полонизмы: коваль, натраштамент, потент, понент. Отдельные части послания композиционно расчленяются рифмованными концовками.

Несомненно, что этот русский вариант письма запорожцев более позднего происхождения. В нем изменены и сами титулы, что указывает на вторичное использование памятника. Если такие слова, как «сенатор», «адъютант», «полковник», могли бытовать и в последней четверти XVII в., то «генерал» и «кухмистер» скорее тяготеют к XVIII в.

Самый текст мог возникнуть и независимо от «триптиха», а, допустим, несколько раньше, однако в составе «триптиха» он определенно связан

с событиями войны 1768—1774 гг. Возможно, что и использование его в этом антитурецком произведении вызвано тем, что непосредственным поводом для войны явилось разграбление казаками пограничных турецких городов — Балты и Дубосар.

* * *

Письмо чигиринских казаков менее подвижно в своем тексте и не насчитывает большого количества вариантов, хотя встречается в списках чаще, чем письмо запорожцев. Кроме расширенного текста, опубликованного в журнале «Маяк» по неизвестному списку, можно указать только один случай появления нового послания на эту же тему. Список найден И. Ф. Голубевым в рукописном собрании Государственного архива Калининской области и любезно передан мне. Он находится в рукописи № 662, написанной скорописью второй половины XVIII в., на лл. 18 об.—19.³²

Список с переводнаго турецкаго писма, писанаго от турецкаго султана в Чигирин к казакам

Салтан сын салтанский, салтана турскаго, цесарь турецкий и греческий, македонский, вавилонский, иерусалимский, гаша ассирийский, Великаго и Малаго Египта король Александрийский, армянский и всех на свете обитающих князь, внук божий, храбрый воин, навестник христианский, хранитель распятого бога, государь и великий дедич всеа земли, надежда и утверждение басурманское, христианская скорбь и падение, — повелеваю вам, чтоб своею волею поддались нам со всеми людьми своими, в Чигирине обретающимися, и имати нас вам за великаго государя.

Ис Чигирина от казаков ответ

Султан, сын проклятаго султана турскаго, внук сатанин, товарищ диавольский, привидение демонское, наследник адския бездны, турецкое падение, татарская погибель, греческий повар, вавилонский бронник, иерусалимский харчевник, ассирийский винокур, Великаго и Малаго Египта свинопас, александрийский кат, армянский пес, слепец всего света, аспид вселютейший, скорпия смертотворная, волк и хищник, шпынь и скаред всего света, всех живущих на земли извощик, наследник тартара преглубокаго, обладатель всего адскаго пространства, лстивого и лживаго Махомета гонец, распятого бога противник, веры его гонитель, смех и игралище христианское, басурманская погибель и скорбь. Мы тебя не боимся, имеем тебя вместо поводишника, а не государя. Мы тебе на здадимся, а битися с тобою готовы. А как нам в руки попадеш, тогда мы тебя будем имети в такой чести, как имеет повадишник медведя. Чтоб тебе ведомо было, того ради и пишем к тебе.

Если в ранних вариантах ответ чигиринцев строился на пародировании самого титула султана, на очевидных антитезах и игре слов, то ответ казаков в варианте XVIII в. уже не столько отражает титулы послания султана (кстати, оставленного почти без изменений), сколько стремится

³² И. Ф. Голубев. 1) Собрание рукописных книг г. Калининна. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 449, 2) Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор. Калинин, 1960, ркп. № 662.

варьировать и расцвечивать уже существовавшие в прежнем ответе издательские титулы. Например:

Текст XVII в.

Салтан, сын проклятого салтана турского, товарищ сатанин, бездны адовы салтан турский.

Текст XVIII в.

Султан, сын проклятого султана турского, внук сатанин, товарищ диавольский, привидение демонское, наследник адския бездны.

Вместе с тем в тексте письма чигиринцев XVIII в. заметно стремление отойти от обычной формы этого послания, почти целиком заключающегося в титулах, и ввести еще какое-то содержание оскорбительного характера по отношению к султану. Автор варианта XVIII в. обыгрывает требование султана «имати нас вам за великого государя», на что казаки отвечают: «имеем тебя вместо поводильщика», — а затем, переворачивая этот образ, обещают, что, попав в плен, султан будет в такой же чести, как медведь у поводильщика.

* * *

Послание запорожцев к турецкому султану интересно не только своим колоритом и юмором, но и подвижностью литературной формы, позволяющей вносить в нее все новые и новые мотивы, создавать на этой же основе, в сущности, новые произведения, применять их в разное время, в различных исторических условиях. Перед нами в новых вариантах проходит не один памятник, а несколько самостоятельных по своему происхождению. Так, по-видимому, и следует их изучать. Вопрос же о первоначальном тексте остается открытым впредь до нахождения новых списков и до полного текстологического изучения уже известных текстов.
